

 АРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Варяг

Место для битвы

Князь

Герой

Язычник

Княжья Русь

Государь

Богатырь

Золото старых богов

Доблесть война

Смерти нет

Дерзкий

Я в роду старший

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ
Государь

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Дизайн серии *Алексея Дурасова*

Иллюстрация на переплете *Валерия Петелина*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варяг. Государь / Александр Мазин. — Москва :
Эксмо, 2022. — 512 с. — (Варяжская Русь).

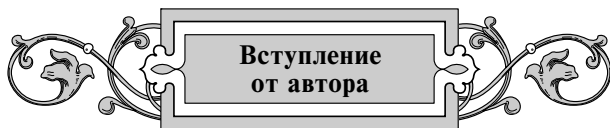
ISBN 978-5-04-165394-1

Когда шатается трон империи, императорам приходится обращаться за помощью к варварам. Так было во времена Великого Рима, и ничего не изменилось за прошедшие восемь веков. Вот только варвары стали другими. Там, где когда-то стояли города готов и вандалов, теперь грозят врагам закаленные в битвах дружины русов. И их архонт, великий князь Владимир, готов поддержать императора Василия, привести в империю пять тысяч воинов — огромную армию по тем временам. Но за помощь императору придется заплатить. И не золото станет главной наградой. Не золото и даже не родство с императорским домом. То, что обретет Владимир в Царьграде-Константинополе, не обесценится и за тысячу лет. Не обесценится, но умножится многократно.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мазин А.В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2022

ISBN 978-5-04-165394-1

Крещение Руси

До недавнего времени это событие считалось началом отечественной культуры и государственности.

И вдруг всё изменилось.

Теперь отсчет велено начать с другой даты, по-своему тоже замечательной: призвания варягов во главе с Рюриком.

О причине подобной смены приоритетов догадаться несложно. Процессы, разорвавшие единство Советского Союза — прямого территориального наследника Великой Российской империи, привели к тому, что Киев теперь — вне территории России. Весьма обидно для тех, кто привык исчислять генеалогию от великого князя Владимира. Князя киевского. Однако для мировой истории этакий фортель — обычное дело. Императорам Восточной Римской империи, считающим себя (и не без оснований) законными наследниками великого Рима, тоже, полагаю, было неприятно видеть в Риме завоевателей-германцев. Но никому из них не пришлось в голову перенести точку исторического отсчета римской государственности в какое-нибудь другое, подвластное константинопольским императорам, место. Или начать отсчет римской истории, скажем,

с падения Трои. А троянца Энея объявить первым настоящим римлянином.

Однако не объявили. Даже не пытались. Потому что речь шла не о родоначальнике (тут первенство Энея трудно оспаривать), а о рождении государства. Великой Римской империи. В делах же государственных, равно как и в прочих больших и малых играх, львиная (и заслуженная) доля славы достается не тем, кто ввел мяч в игру, позаботился о доставке его к воротам противника, и даже не автору голевого паса, а тому, кто забил гол. И это справедливо. Промახнись он — и все предыдущие усилия бесполезны.

Но попробуем разобраться: действительно ли Владимир — тот, кто «забил» наш исторический «гол» и создал Государство? Он ведь далеко не первый в ряду славных киевских (Рюрик, кстати, единственное исключение) князей.

Олег, Игорь, Ольга, Святослав — все они жили раньше Владимира. И Русь при них уже была. Как социальная группа — точно. Зафиксировано независимыми источниками. И зависимыми тоже.

Так кто же из них, великих и славных? Если не Владимир, то кто и когда?

Что же говорит по этому поводу наша «базовая» Повесть временных лет?

«В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим...»

Вполне определено. 862 год. Правда, ничего не говорится о том, что это была за Русь и кто ее возглавлял. Но уже ясно, что не Рюрик.

Выходит, Русь была еще до призвания варягов. И представляла серьезную силу, если даже ромеи соизволили ее заметить. Но можно ли верить нашему главному отечественному хронисту?

Я далек от того, чтобы считать ПВЛ безупречным источником. Порой фантазия того, кого принято называть Нестором-летописцем, ничем не уступает оной у популярных ныне Фоменко с Носовским, пусть даже цели у древнего хрониста и были куда благороднее. Однако, если уж брать за основу наш главный и непогрешимый, если верить школьной программе, литературный источник — Повесть временных лет (а тема Рюрика исходит именно оттуда), то 852 год — самый подходящий.

Но — не подошел.

862-й показался перспективнее.

Почему?

Что говорит нам ПВЛ?

А она говорит: грабили предков будущих российских граждан все кому не лень.

«...Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с поля, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма...»

А в году 6370-м, а по нынешнему исчислению 862-м, случились события поистине замечательные.

«...Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть».

Но, к сожалению, недолго. К тому же году относится и другая запись:

«...и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене».

Вот так и возник в нашем историческом прошлом князь Рюрик.

Лично мне версия, предложенная ПВЛ, кажется сомнительной. Даже если забыть о той «руси», что, по мнению летописца, громила византийцев десять лет назад, идея о том, что словенско-чудский племенной конгломерат признал себя неспособным к мирному сосуществованию, учредил общее (!) посольство, и не к кому-нибудь, а к своим исконным врагам, — предложением взять их, бестолковых, «под крышу», такая идея, на мой взгляд, абсолютно фантастична. Другое дело, если уже имеется некий лидер, окучивающий оные племена, но нуждающийся в сильном союзнике. Тогда — нормально. И выбор тоже пра-

вильный. Викинги — серьезные парни. Есть, кстати, и кандидат подходящий, Гостомысл. Но об этом — ниже. Вернемся к базовому варианту Повести временных лет.

Так вот, согласно «главной» ПВЛ, в 862 году пришли (точнее, вернулись, потому что чуть раньше, но в этом же 862-м им дали коленкой под зад) на земли нынешнего Северо-Запада чужаки-иноплеменники варяги — и навели порядок. Создали государство русское, а впоследствии — Великую Российскую империю. И имя свое оному государству дали.

«И от тех варягов прозвалась Русская земля, — вопреки собственному утверждению, сообщает летописец, и особо уточняет: — Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене».

Но все же попробуем разобраться, каким именно было «бытие» тех, кто «были прежде». Определим, так сказать, уровень их «не знавшей порядка» организации.

Но сначала уточним, что есть государство. В нескольких словах.

Единый лидер, единый закон, единый язык, единая (основная) культура, единая финансовая система.

Было? Было! Не то чтобы очень большое, но — да. И столица у этого протогосударства имелась. Ладога. Которая была (и есть, отмечу) устроена существенно раньше 862 года. Насколько мне известно, именно Ладога занимала среди окрестных земель лидирующую роль. Даже собственную валюту изготавливала — стеклянные бусины (высокие технологии по тем временам), валюту достаточно «твердую», чтобы приобретать на нее реальные ценности.

Вот доказательство «первородства» Ладоги покруче, чем очередная фиктивная могила «киевского князя» или «княгини».

Но раз прототип государства существовал и до 862 года, то в чем историческая заслуга Рюрика сотоварищи? В том, что они заняли ключевые места (вытеснив коренное население) и замкнули на себя «финансовые» потоки?

Весьма интересный вариант «основателей» получается.

Если исходить из подобной логики, то историю, например, Британии следует начать с того момента, когда ее захватили норманны Вильгельма Завоевателя.

Раньше, мол, были тут всякие англсы и саксы, а теперь править будут правильные парни скандинавского корня.

Но почему-то никто не стал переименовывать Великобританию в Великононормандию, а британцев до сих пор называют англосаксами.

Многие мне возразят: неудачный пример. Вильгельм Британию завоевал в бою, разгромив английского короля Гарольда, причем напав на Гарольда сразу после того, как тот в тяжелейшей битве разбил другого претендента на Англию — короля Норвегии Харальда Сурового. А Рюрик получил новых данников вполне мирно — был приглашен союзом разодравшихся (чувствуете, какой оксюморон) племен или (куда более вероятно) был призван «на царство» местным правителем — князем Гостомыслом. Ну так давайте с него, Гостомысла, и начнем «исторический отсчет». Если уж он призвал Рюрика править, значит, было куда и чем. Чем плох «день Гостомысла»? А поскольку точной, с указанием года, датировки вокняжения оного Госто-

мысла не имеется, так давайте забудем о некоторых противоречиях, согласимся с Нестором и объявим «годом основания» 852-й. Почему бы и нет?

А потому, возразят мне, что очень многие серьезные ученые дяди считают летописного правителя Ладоги и предшественника Рюрика Гостомысла вымыслом. Ведь в самом древнем (XII веке) списке летописи его нет, а появляется он лишь в документах XV века. Кстати, «призывателем» варягов Гостомысла именуют в еще более поздних источниках.

Однако можно ли считать истинно верным самый старый документ только потому, что он — самый старый?

Между веком девятым и двенадцатым — триста лет. И лично присутствовать при событиях того времени не мог ни сам летописец, ни его предки минимум до десятого колена. А если допустить, что легендарный Нестор пользовался более древними документами, то почему не сделать аналогичное допущение и для хронистов века пятнадцатого?

А если предположить, что создатель ПВЛ, описывая приход варягов, опирался исключительно на сказания и предания, то и существование Рюрика следует взять под сомнение, не говоря уж о точности датировки.

История — занятная наука. Она как квантовая физика. Частенько вместо конкретного факта-точки мы имеем некий «вероятностный отрезок», в который укладываются все более-менее достоверные сведения. Наша задача — определить границы этого отрезка, а также изучить и проанализировать то, что оказалось внутри. Что мы только что и проделали. Изучили. Проанализировали. Сделали вывод: никаких истори-

чески обоснованных «преимуществ» у года 862-го перед годом 852-м не имеется. Но, изучая прошлое, не следует забывать о настоящем, потому что оно, настоящее, не только результат прошлого, но и самый заинтересованный его... Как бы так помягче выразиться... Интерпретатор.

Итак, какой у нас нынче год? 2012-й.

Вот оно, заветное главное условие. Вот где, как выражаются кладоискатели, собака зарыта! Надо, чтобы дата для общероссийского праздника «основателя» получилась покруглее. Даешь 1150-летие Руси!

Нет, я не против праздников и юбилеев. Лишний раз вспомнить старину, пусть даже и чуток подправленную и приукрашенную, дело доброе.

Обидно другое. Год 2012-й пройдет (в общий абзац, предсказанный майя-поклонниками, я как-то не верю), а официальная передача лавров основателя русского государства Рюрику останется. Войдет в учебники и лекции университетских историков, которым звания и гранты дороже истины. И будет так. Будет запечатлено навеки в сознании российского народа: именно варяг Рюрик создал государство Российское.

При всем моем уважении к скандинавским конунгам, к викингам, варягам и Рюрику в частности, создание государства — это не захват и «постановка на дань» коренных обитателей местности, где «прежде были словене». Да и взятие под контроль не слишком большой территории с городом Новгородом в центре никак нельзя считать основанием будущей великой империи. Тот же князь Олег — куда более масштабный устроитель. Это ведь он прошел победоносно от Новгорода до Константинополя, попутно подмяв под

колени и Киев. Именно Олег собрал и подчинил себе многочисленные племена, отметил в зарубежных хрониках и заключил договор с главным торговым партнером Древней Руси Византией, то есть заложил будущего государства основу.

Что ж, с этим я бы согласился. С «основой». Но не более.

Потому что одной силы для создания государства — недостаточно. Проходят годы, а то и десятилетия — и захватчики растворяются среди коренного населения и становятся одним из населяющих территорию племен.

Для создания настоящего государства нужен стержень. Культурный, духовный, единый для всех входящих в пределы державы племен. Четкий вектор, ведущий державу в будущее.

И создал его не Олег, и уж тем более не Рюрик, а тот, кому по праву принадлежит звание создателя русского государства. Тот, кого ради «одноразового» юбилея пытаются спрятать в тени его героического (кто спорит!) прадеда Рюрика. Великий князь киевский Владимир. Вот первый кесарь-государь русский!

Чем больше я изучаю личность Владимира, его историю, его деяния, тем яснее осознаю масштаб этого потрясающего человека.

Признаюсь, когда-то он казался мне другим. После свершений его отца Святослава, величайшего полководца, покорителя царств, Владимир выглядел князем так себе. Братоубийца, который сначала ставил кумиров, потом их жег. Человек, который, если верить ПВЛ, «продал» византийскому императору собственных воинов... Князь, наплодивший сыновей и не по-

заботившийся о нормальном престолонаследии. Неважный правитель, плохой отец (как-никак, против него восстал собственный сын Ярослав), единственным достоинством которого можно считать Крещение Руси...

Но достоинство ли это? Стоит сравнить его методы (описанные в различных вариантах летописей) с методами княгини Ольги, тоже христианки и весьма прогрессивной правительницы, и возникает вполне справедливое сомнение... Нет, не в том, что сделал Владимир... В том, как он это сделал.

А что было бы, если бы победил не Владимир, а Ярополк? Может, убитый брат справился бы с духовным обращением Руси не хуже, а лучше?

Нормальный вопрос для того, кто пытается понять исторические процессы, какое бы время он ни изучал.

Например, что было бы, если бы в противостоянии Петр Первый — царица Софья победила последняя? И процесс европеизации России, процесс неизбежный и закономерный, проводился не склонным к паранойе и крайностям Петром, а этой неглупой женщиной, имевшей куда больше прав на престол, чем, например, будущая императрица Анна Иоанновна? И был бы тогда сей переход более успешным, продолжившимся в потомках, и уж точно куда менее кровавым...

Замечательный повод для писателя-альтернативщика поупражнять фантазию. Но писателю-историку подобные допуски делать не подобает.

Их много, критических временных точек, когда те или иные правители-победители поворачивали развитие своих государств и народов.

А если бы на их месте были другие, проигравшие...

Но они проиграли. Точка. Госпожа История, как очень мудро замечено, «не терпит сослагательного наклонения».

Зато ее можно переписать. И не в художественной литературе, а по-настоящему, «по-научному». В угоду политической конъюнктуре, ради очередного научного звания... Или нечаянно — из-за собственного невежества или острого желания, чтоб всё было именно так.

Никто не может заглянуть в прошлое.

Зато любой может, изучив факты, материалы, сопоставив достоверность тех или иных источников, прийти к определенным выводам... нет, не единственным верным (не точка — отрезок, а еще точнее — территория вероятности), но куда более точным и справедливым по отношению к ее, Истории, героям.

И изменить собственное мнение, если факты противоречат тому образу, который возник и устоялся в сознании...

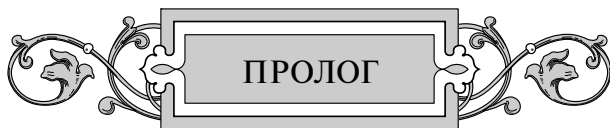
Всё, что было сделано Владимиром Святославовичем со дня его вокняжения в Киеве, — сделано во благо будущего государства. Даже разрушение церквей и устройство капищ есть не что иное, как попытка создания того самого «внутреннего стержня». А то, что случилось потом: превращение языческого князя Владимира во Владимира Святого — это Чудо. Знак Свыше. Знак Избранности. И царская корона, увенчавшая голову Владимира, женившегося на дочери и сестре императоров Византии Анне, которую прежде пытались сосватать и французский король, и германский император, — справедливая награда за то, что свершил сын великого Святослава. А те, кто упрекал и упрекает Владимира в жестокости... Им я предлагаю сравнить деяния его с методами насаждения Истинной Веры,

которые использовали владыки-современники великого князя киевского. И вспомнить, что сила — самый действенный аргумент для тех, кто поклоняется идолам.

И еще. Я не рискнул вести повествование от имени главного ее героя, Владимира Святославовича. И вновь воспользовался приемом, какой использовал в начале своей «варяжской истории», — перенес в центр повествования моего «сквозного» героя — боярина Серегея. Мне так проще, потому что очень трудно, практически невозможно точно воссоздать образ мыслей человека десятого столетия, да еще такого, как Владимир Святой, отталкиваясь от единственного созданного им документа.

Так что говорить в этой книге будет не ее литературный герой, а подлинные дела героя исторического. А уж остальное вы, мои уважаемые читатели, домыслите сами.

ПРОЛОГ

«Я, воевода великого князя Владимира Киевского, боярин Сергей, видел это. Я видел начало новой эпохи. Я видел, как страшный и грозный бог моего князя, бог его отца, деда и всех его пращуров, родовой бог всех варягов Перун Молниерукий, бог, с чьим именем на устах мы все сражались, убивали и умирали, бог, которым мы клялись, уплывал вниз по реке, навсегда покидая стольный град Киев.

Я видел, как слезы текли по щекам варягов. Слезы текли и по моим щекам. Я никогда не считал Перуна величайшим из богов, хотя моя вера в Спасителя не мешала мне чувствовать мощь варяжского бога.

Но не с Перуном прощался я в тот день.

Я прощался с эпохой.

Время старых богов истекло.

Так должно.

Однако лучшие мои годы пришлись на это время, в которое забросила... нет, которое подарила мне Судьба. Или чудо. И в тот день, увлекаемый днепровским течением, уходил не только Перун. Сопровождаемое парой боевых лодий со знаменами великого князя, уходило славное время варяжского братства, время языческих празднеств, грешных и веселых... Вниз по

зеленой днепровской воде уплывало оно к острову Хорса, чтобы встать там навсегда. Уже не богом, а всего лишь памятником былой славы ушедших в Ирий отцов и дедов. Там, на острове Хорса, погиб великий Святослав. Там должен был навсегда остаться и я, его воевода, но Бог и любовь сотворили еще одно чудо, и тогда, в последнем бою Святослава, погибло лишь мое прошлое: тот Сергей Духарев, который родился в двадцатом веке. А я, воевода Серегей, спафарий Сергей Иоанн, Сёрки-ярл из Гардарики, Зергиус, Серхи (и еще полдюжины имен с подобающими моему чину и положению приставками), этот я — жив, в свои шестьдесят девять лет еще достаточно силен, чтобы послать стрелу из степного лука и снести ударом клинка вражью голову. Это и есть я, а того, кто навсегда остался по ту сторону Кромки... или Вечности, его мне не жаль. Пусть он еще не родился, но его время иссякло. А мое, надеюсь, продолжится достаточно, чтоб увидеть, как мои внуки поведут на рать собственные дружины. И боевой клич “Русь!” станет не менее грозен и славен, чем клич “Перун!”. Будут еще битвы, будет кровь и смерть... Но больше никто не умрет у черных от старой крови деревянных ног идола лишь потому, что таков был жребий. Ни один человек, свободный или холоп, мужчина или женщина, старик или ребенок, не расстанется с жизнью, чтобы Сварог, Дажьбог, Стрибог или иной кровожадный языческий демон не осерчал на своих почитателей. Теперь на этой земле один Бог и одна Вера, и я не сомневаюсь, что мой князь будет тверд в ее насаждении, потому что знаю — он Верит. А если сын великого Святослава во что-то уверовал, остановить его может только смерть.

А уж мы, его ближники, позаботимся о том, чтобы Владимира не постигла участь отца...»

Тут пальцы воеводы слишком сильно надавили на перо, и оно сломалось, оставив на пергаменте неряшливую кляксу.

Не было у боярина Серегея привычки писать самому. Для деловой переписки у него имелся писарь, владеющий латынью и прочими европейскими языками. Был еще один, каллиграф, — для писем в Византию... Но это было — личное. И писал боярин-воевода на русском языке, изрядно отличающемся от словенского письма, коим пользовались в Булгарии и в Моравии, пока Великое княжество Моравское не разодрали на куски угры, чехи и ляхи.

Воевода положил сломанное перо, пошевелил задубевшими с непривычки пальцами и задумался. О тех временах, когда великий князь Владимир Святославович, надежда и оплот тех, кто мазал кровью губы идолов, вступил на путь, который и привел его к Вере.

Часть первая

КАНУН
НОВОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА 1

Добрые и дурные вести

Киев. 985 год

Всю ночь выюжило, но ближе к рассвету ветер утих, потеплело и повалил такой снег, что всё обширное подворье боярина-воеводы Серегея покрыло белой пуховиной. И вдруг снегопад прекратился, будто отрезало, выглянуло солнце, мир стал чудесен, будто детская сказка.

Воевода вышел на крыльцо с первым лучом и засмеялся от дивной красоты. Скинул нательную рубаху и прямо с крыльца сиганул в сугроб. Эх, славно!

Вывалявшись вдосталь, поднялся, огромный, красный, счастливый, облепленный белым снежком, вдохнул полной грудью и выдохнул варяжский боевой клич: жуткий вой, от которого вороны с карканьем сорвались с дерева и мишка-привратник, полторагодовалый зверь, взятый вместо прежнего, старого, вскочил на ноги и недовольно заревел. Тут же залаяли псы на соседних подворьях, а свои сторожевые изумленно уставились на хозяина: чё это с ним?

Трудившаяся спозаранку дворня тоже отреагировала на клич. Два холопа, разбиравшие дровишки, аж

присели, а взбегавшая на крыльцо девка так и обмерла. Чуть не уронила глечик с парным молоком...

Тут же из длинного дружинного дома, будто только и ждали, толкаясь и гогоча, вывалили гридни и отроки. Полуголые, здоровенные, счастливые от избытка силы... Кто-то немедленно взвыл по-варяжски, остальные поддержали...

На крыльце появилась очень недовольная боярыня Сладислава.

Но поглядела на счастливого мужа и тоже заулыбалась.

Однако на гридней прикрикнула:

— Что девок пугаете? Не в поле, чай!

Парни засмутились, вспомнили о почтении, поклонились в пояс: сначала боярыне, а только потом — батьке-воеводе.

Чем еще больше развеселили Сергея. Его всегда забавляло, что и челядь, и гридь боятся его малышки-жены более, чем своего батьки.

— Шел бы ты в дом, муж, — сказала Сладислава. — Не по годам тебе — голым на морозе.

— Да разве ж это мороз? — удивился Сергей. — Вот на Белозерье да, мороз! А здесь не зима, а баловство одно! Такой снег, Сладушка! Озимым — самое то! Радоваться надо!

И стремительным броском взлетел на крыльцо, подхватил жену и прыгнул в сугроб уже вместе с ней.

— Пусти, медведь! Сдурел?

Сергей понял, что Сладислава рассердилась всерьез, коли ругает его, да еще — при посторонних, тотчас поставил жену обратно на крыльцо, взялся отряхивать от снега...

— В дом иди... баловник! — От его покаянного вида гнев боярыни прошел, и она вдруг заулыбалась, потому что это счастье, когда с тобой рядом — муж, любимый, сильный... Живой.

Гридь, уже забыв о выговоре, всю возилась в снегу: боролись, кидались снежками... Большинство — с севера. Снежок им — в удовольствие. Холод — бодрит. Пробежаться босиком по пороше километров этак пять — запросто.

Воевода вошел в дом, где ему тут же заботливо накинули на плечи корзно-плащ, а Сладислава, не дожидаясь, пока другая девка перьевой метелочкой очистит ее одежду от снега, кликнула старшего над дворовыми и приказала строго: как только мужнины вои отбалуют — снег со двора прибрать дочиста. А то такая грязюка разведется...

Затем сошла с крылечка и двинулась в обычный утренний обход: по многочисленным дворовым постройкам — проверять, все ли трудятся, не завелись ли бездельники? Холопы — они такие. Чуть попустишь — и потом только поркой характер поправить можно.

Из флигеля, дружной парочкой, вышли почтенные седовласые мужи: Рёрах и Артак. Старый варяг, одноногий и одноглазый, холода не боялся ничуть — в одной нательной рубахе с богатой обережной вышивкой и в синих штанах из тонкой шерсти. Рёрах вежливо поклонился боярыне, и та ответила ему еще более низким поклоном. Пестуна своего мужа она почитала выше себя.

Закутанный в меха, но все равно зябнувший парс Артак кланяться в пояс не стал. Лишь кивнул:

— Доброе утро, госпожа моя!

— И тебе добра! Велю получше печь растопить. Вижу — мерзнешь.

— Благодарю за заботу! Старость не делает кровь горячее.

Рёрах хмыкнул. Он был намного старше парса, но на холод не жаловался. Ну да он и родился на севере, у Балтийского моря, а парс — на земле иранской, где снег бывает только высоко в горах.

— Стол накрыт в трапезной, окажите милость — откушайте, — ласково проговорила Сладислава.

— Благодарим сердечно, хозяйюшка, — вежливо отозвались оба.

Варяг и парс несколько не сомневались, что завтрак их ждет. Но им было в радость проявить уважение боярыне. Так же как и ей — им. Родные, чай. А после того, как втроем выхаживали воеводу от страшных ран, полученных на острове Хорса в последнем бою князя Святослава, меж ними, столь разными, установилась такая прочная связь, какая редко бывает и у кровных родичей.

Сладислава двинулась дальше, аккуратно, чтоб не зачерпнуть снег, приминая сугроб желтыми сафьяновыми сапожками, отороченными мехом и украшенными жемчугом, а деды двинулись к крыльцу, чтобы составить компанию боярину-воеводе. Кроме них нынче — некому. Старший сын князь-воеводы Артём — в своей вотчине, Угличе, Богуслав — в дальнем походе, приемный сын Илья гостит у Стемида Большого, князя белозерского, а дочь Дана — в Тматорокани, с мужем Монахом.

Нельзя сказать, что большой дом князь-воеводы опустел. Что ни день — гости, свои и заморские. На

подворье — тридцать три дружинника и вдвое больше челяди...

Да только завтракать хозяин любит с теми, кого почитает ровней. А таких дома четверо: Рёрах, Артак да сам воевода. Ну и Сладислава, конечно, хотя она давно уж позавтракала. Ее день начинается затемно.

— Воевода, к тебе ромей! — Отрок из ближней дружины, беспардонно ввалившийся в горницу, заставил Духарева отвлечься от письма. А письмо между тем было весьма интересное — от сына Богуслава.

Проделав далекий трехмесячный путь аж из самого Багдада, послание оказалось в руках боярина только вчера. Булгарский купец доставил. Однако сразу читать его Сергей не стал. Вскрыл, убедился, что написано сыном собственноручно, сообщил об этом жене — и отложил удовольствие на утро.

— Пусть ромей подождет, — недовольно проворчал воевода.

И вернулся к чтению. Письмо было почти сплошь позитивное. Богуслав сумел отыскать в Багдаде нужных людей, установил деловые контакты.

Вообще-то предполагалось, что Богуслав не поедет дальше Шемахи, но выяснилось, что почтенный булгарский лекарь и ученый Юсуф ибн Сулейман направляется именно в Багдад и там у него вроде бы неплохие связи. Поразмыслив, Богуслав решил, что стоит продолжить путь. И не ошибся. Булгарский ученый действительно пользовался в Багдаде известностью. Богуслав арендовал дом, в котором поселился вместе с Юсуфом, — и опять не прогадал. О русах в столице халифата тоже знали: торговали уж лет сто, не меньше. Но инициатива всегда исходила от арабов, и арабские

купцы были не склонны пускать конкурентов в собственный огород. Однако не купцы были главными в Багдаде. Даже те из них, кто отважно пускался в столь далекий путь.

Уже на третий день после того, как Богуслав поселился в Багдаде, его дом посетили несколько ученых мужей весьма серьезного уровня. Беседовали на арабском, но Богуслав многое понимал, потому что уже успел прилично овладеть и этим языком. Равно как и Лучинка. Они очень старались, ведь арабский был «базовым» научным языком Востока. Примерно как латынь — на Западе.

Само собой, Лучинку к непосредственной беседе не допустили. Не те здесь законы. Зато разрешили побыть за занавеской и даже ответить на пару-тройку вопросов.

Следующее научное собрание прошло в расширенном составе...

Так и повелось. Богуслав готовил угощение, а ученые мужи вкушали яства, потребляли шербет и обменивались мудростью. Расспрашивали и Богуслава. О жизни и нравах русов и варягов в Багдаде истории ходили самые экзотические. Еще ученых мужей (а по совместительству — советников власть имущих) весьма интересовал пришедший в упадок Хузарский хаканат. Кое-кто в арабском мире был совсем не прочь прибрать к рукам богатые и выгодно расположенные земли. Впрочем, Богуслав об этом интересе ведал и раньше. Еще он понимал: у арабов — получится. Отец в свое время объяснил и обосновал: русам весь хаканат не удержать. Хорошо, если удастся сохранить за собой хотя бы треть. По-любому, Каспий для Руси потерян. Владимир — не Святослав.

Богуслав на вопросы отвечал охотно и почти честно. В итоге заручился доверием и поддержкой весомых в «правительстве» людей. И получил «добро» на основание собственного представительства в Багдаде. С серьезными таможенными льготами.

Само собой — не бесплатно. Золотишка занести пришлось изрядно. И наличкой, и «чеками». Но дело сделано.

Пока «подворье» торгового дома «Духарев и семья» пришлось укомплектовать почти исключительно местным контингентом. Богуслав оставил для надзора парочку своих (больше и не было), выкупил дом, в котором жил все это время, и отдал часть его в распоряжение Юсуфа ибн Сулеймана. Тот был весьма признателен и пообещал присмотреть за тем, чтобы русов не обижали. Авторитет Юсуфа в Багдаде весьма приподнялся, когда он вылечил одну из жен халифа от какой-то застарелой болячки.

«Готовь, батя, большой караван, — писал сын. — Грамоты нужные и подорожные я привезу».

В обратный путь Богуслав тоже собирался не по-рожняком, а с неслабым обозом.

Об этом Духарев догадался, прочитав о том, что сын намерен нанять дополнительную охрану из местных. Если уж самого Богуслава и одиннадцати дружинников для обороны недостаточно, значит, товар они повезут недешевый.

Ответ писать смысла не было. Да и куда? Сейчас Богуслав и его спутники уже в пути и скорее всего уже движутся по берегу Каспийского, вернее, Хвалынского моря.

Сергей свернул письмо и уложил в футляр.

Молодец, сын! Конечно, Богуслав не с пустыми руками шел. Были деньги, была кое-какая инфор-

мация о полезных людях в халифате, почерпнутая из «библиотеки» хузарского хакана Йосыпа, доставшейся Сергею как доля добычи во время захвата Итиля. Тем не менее задача была — труднейшая. Переговоры на чужой земле — это не мечом рубать. Тут соображать надо.

Вот и ладно. А теперь можно и поглядеть, что за ромей пожаловал на боярское подворье с утра пораньше.

Ромей, которого Сергей заставил дожидаться в «предбаннике», оказался не простым. Аж целым главой киевской византийской общины.

Звали его Кирилл Спат. Человек формально торговый, но, судя по некоторым деталям, с немалым военным опытом. Ну и шпион, разумеется. Вернее, резидент.

К Духареву он проявил почтение. Поклонился низенько: младший — старшему.

Не потому, что Сергей — воевода, боярин и ближний княжий, — для природного ромея все русы: хоть боярин, хоть смерд — дикие скифы. Не боярину Сергею кланялся ромей — спафарию Сергию. Спафарий — серьезный титул в империи¹. С кучей прав и даже ежегодным пожалованием от двора. Хотя пожалование — тьфу! — в сравнении с теми бабками, которые стоил сам титул.

Первым его прикупил Мышата. Ему обошлось дешевле, потому что он и во дворец был вхож, и весьма полезным считался. Даже с самим паракимоме-

¹ Титул третьего класса. Если пользоваться аналогиями Российской империи — что-то между военным и статским советником.

ном¹ «премьер-министром» Василием, всевластным константинопольским евнухом, был общения удостоен. Однако титул спафария по наследству не передается даже сыновьям. В отличие от имущества. Которое хоть и передается (после уплаты соответствующего налога), но уже без добытых прежним владельцем налоговых льгот и прочих привилегий. Так что и с имуществом (и немалым) сразу возникли бы проблемы, не купи Сергей титул. Это как в России в бандитские времена: купил автомобиль «не по чину», придут конкретные пацаны и отнимут. Так что — пришлось. Зато спафарию Сергию «дом на набережной» в Константинополе, изрядное поместье на морском побережье, сады, виноградники, оливковые рощи и прочие материальные ценности — в самый раз.

В поместье Духарев старался без нужды не задерживаться. Мраморные колонны, мраморная ванна, полы с подогревом, банька с тремя бассейнами, горячая вода, само собой... А уж кушанья какие изысканные!

Слишком большое искушение. Роскошь такая штука: только привыкни — и попал. И за меньшее люди от родных пажитей уходили.

В трудные времена, когда Владимир только-только вокняжился в Киеве, была у Сергея такая мысль... Но — отбросил. Во-первых, есть такое слово — Родина. Во-вторых, здесь, в Киеве, Сергей — величина. Воевода Святослава, боярин Ярополка, отец славных сыновей и богач изрядный. Его подворье на Горе — втрое против соседних.

Пожелай кто худое ему сделать — кровью умоется. Да и не рискнет никто.

¹ Паракимомен — личный постельничий императора. Высший из императорских приближенных-евнухов.

А что в Византии? Там любой человек, хоть благородный патрикий, хоть домашний схол¹ по произволу императора в любой момент может оказаться в темнице. Был бы повод. Излишнее на взгляд Автократора богатство, к примеру.

Опять-таки интриги, омерзительные евнухи, унижительные церемониалы... Византия, одним словом.

Однако сейчас уважаемый представитель величайшей из империй десятого века Кирилл Спат стоял перед воеводой и, судя по роже, явно чего-то хотел.

Однако воспитанный человек никогда не станет так сразу говорить о деле. Потому сначала Сергей пригласил его к столу, велел подать вина, выдержанного, болгарского, к вину свежего сыра, орешков на меду. Справился: не обижают ли ромеев в Киеве, удачна ли торговля?

Кирилл отвечал степенно, солидно и на языке русов, которым владел в совершенстве. Сам тоже интересовался: здоровьем, семьей, делами...

Лишь через полчаса, выкушав пол-литра вина, перешел к делу.

— Господин мой светлейший Сергей, известно ли тебе, что сюда направляется личный посол Богопочитаемого Автократора нашего Василия Второго? — поинтересовался он по-ромейски².

Вот ведь сюрприз!

— И какова же причина этого посольства в столь неурочное время? — задал он встречный вопрос.

Время и впрямь выбрано не самое лучшее. Зима.

Это для северян мороз — друг. Болота замерзают,

¹ Командующий армией.

² То бишь на византийском варианте греческого.

реки встают. Садись на санки да погоняй. А что холодно, так и против холода есть средства.

А вот теплолюбивым ромеям добрый морозец — ворог лютый.

— Причина мне неизвестна, — уклонился от ответа ромей.

Духарев поглядел на него внимательно... Знает, сучонок. Точно, знает. Ну да и Сергей догадывается. Если что и может экстренно понадобится василевсу от русов, так это сами русы. Бронные и оружные. И почему он ко мне прискакал, а не к князю — тоже ясно. Поможет князь — будет посол князю должен. А Сергей — спафарий. Помогать императорскому посланцу — его долг перед императором. Но это там, в империи, — долг. А здесь... всё сложно.

Так что же там, в Византии, приключилось? Последняя информация, которую ему принесла в клювике разведка: поднявший восстание против императора Василия Второго Склир вдребезги разбит полководцем императора Бардом Фокой. Племянником, кстати, убитого Цимисхием императора Никифора.

Императоров-Автократоров Византия меняла как модница — перчатки. Удачливый полководец Никифор Фока прикончил императора Романа Второго. Никифора, в свою очередь, отправил к предкам еще более удачливый полководец Иоанн Цимисхий. Нынешний император Василий Второй никого собственноручно не убивал, однако можно предположить, что Иоанн Цимисхий тоже умер не от болезни, а от пищевой добавки, несовместимой с жизнью. Кто заказчик — очевидно. Тот же внебрачный сын еще одного императора-узурпатора Романа Ла-

капина, всевластный паракимомен Василий, которого Цимисхий намеревался отправить в отставку. Сам стать императором паракимомен не мог (евнух потому что), но неформальную власть удержать сумел.

После смерти Цимисхия на вершине оказались сыновья Романа Второго Василий и его братец Константин, которые хоть и числились при Иоанне Цимисхии соправителями, но реальной власти имели — шиш с маком.

Василий был старшим, поэтому трон и пурпурные сапоги достались именно ему... И он немедленно позаботился о том, чтобы братец Константин оставался вне Большой Игры. Хорошо хоть не убил.

Однако авторитет и военный опыт молодого Автократора были — так себе. Чем и воспользовался крупный имперский полководец и domestik схол Склир, тоже примеривший пурпурную обувь и вознамерившийся прибрать империю к рукам.

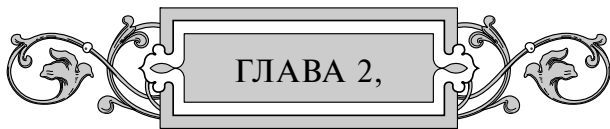
Чтобы надеть на зверя намордник, императору (с подачи всё того же паракимомена Василия) пришлось вернуть ко двору и оснастить полномочиями другого героя-полководца. Варду Фоку.

Племянник убитого Цимисхием Никифора Фоки всё сделал как надо. Насколько было известно Сергею, Склир был разбит и смылся, кажется, в Ассирию. А Варда Фока был отмечен милостью императора и всячески облизан... Но, видимо, ненадолго. На хрена Василию такой конкурент? Надо полагать, его опять загнали в провинцию. Или хуже того... Впрочем, что тут гадать? И так ясно, что в империи — мятеж. А детали — выяснятся.

— Чем же я могу помочь посланцу самого Августа? — поинтересовался Сергей.

— Вестник прибежал, — скорбно произнес ромей. — Хузарин из тех, кого посольство наняло проводниками в Херсоне. — Беда случилась! Выручай, светлейший муж! Твоя помощь не будет забыта!

ГЛАВА 2,

*в которой воевода Сергеей отправляется
в зимний марш-бросок*

Вышеупомянутый гонец оказался не хузарином, а ясом.

— Городок Чить, — сообщил он. — Там их и осадили.

— Знаю такой, — кивнул Духарев. — Это за Родней. По уму, именно в Родню надо было засылать за помощью, а не в Киев. Пусть там и перемерла половина народа во время «отсидки» Ярополка, но гарнизон — новый. Сотни две.

Значит, Чить... Сергей прикинул: от Киева не так уж далеко, километров сто пятьдесят. Летом добежать — пустяки. Зимой — тоже, если дорога накатана. Эх, зря он утром снежку радовался.

Однако прогуляться стоит. И посла выручить, и дружину размять. Сколько на тренировках гридь не гоняй, а настоящего боя учебный не заменит. Опять-таки отроки-волчата должны крови попробовать. Почувствовать, что не зря они стрелами по мишеням били да мечами намахивались так, что за ужином чашку до рта не донести. Вот когда брызнет из-под клинка настоящая вражья кровь и гадина, пришедшая грабить твою землю, убивать и насиловать, захлебнется кри-

ком и хряпнется оземь, тогда и понимаешь — не зря! Есть силушка. И можешь ты платить отныне за обиду железом. Сполна. Сдачи не требуется. И лучше всего наработать боевой опыт не в настоящих битвах, где и враг непременно свою долю крови возьмет, а вот в таких, небольших стычках, где и перевес на твоей стороне, и старшим есть время за младшими присмотреть. Бывают, конечно, и в малых схватках потери, но тут уж — как Бог положит. Иначе нельзя, к сожалению.

— Поторопись, воевода! — вмешался ромей. — Там тысячи пацинаков!

— Тысячи? — Сергей скептически приподнял бровь и поглядел на яса.

— Сотен пять наберется, — уточнил яс, молодой парень — на вид лет семнадцать-восемнадцать. Но уже — воин.

— А в городке?

— Ромеев около сотни. Стрелков при них мало: дюжины три.

— Чьи? — поинтересовался Сергей.

— Да наши.

Воевода кивнул. Ясы луками владели неплохо. И понятно, почему гонец не включил в счет местный гарнизон. Там не настоящие вой — ополчение. Их задача в случае опасности: запереться, подать сигнал и ждать подмоги.

Близко, однако, копченые подобралась. Обнагле-ли. Или — оголодали?

— Как сам ушел?

— Метель. Степняки отошли, по юртам попрятались. Я и проскользнул.

— Что ж в ближний город не пошел, в Родню? — спросил Духарев.

Яс смущенно потупился. Мимо проскочил. Неудивительно. Ночь, метель...

До Киева яс шел двуоконь. Шесть дней. Вчера — снова метель.

— Лошадки мои пали, — сообщил он и вопросительно поглядел на ромея. Мол, компенсировать?

Кирилл Спат, не раздумывая, полез в кошель. Высыпал горку серебра, подвинул к касогу. Нормально одарил. Две степные лошадки столько не стоят.

Сергей почувствовал к ромею некоторую симпатию. Обычно византийцы довольно прижимисты.

— Иди отдыхай, — бросил он ясу. — Скажи: боярин велел накормить и положить на конюшне. Там сено и тепло.

Яс расплылся в улыбке. Нелегко ему пришлось, но — молодец. Выдюжил. К себе, что ли, взять?

— До вечера, — уточнил Духарев, подпустив суровости во взгляд. — С нами пойдешь. Погляжу, каковы ты в деле.

Не сказать что яса перспектива порадовала. Но — кивнул. Правильный парень. Толк будет. Если не убьют.

А ромей забеспокоился. Быстрей бы надо! Не ровен час, доберутся печенеги до императорского посланца...

— Спешки нет, — постарался успокоить Кирилла воевода. — Городок Чить я знаю. Стены там — приличные, с ходу не влезть. А если еще водичкой подходы облить, чтоб заledenело, так и вовсе не подобраться. Народу внутри достаточно, еды хватает. Можешь помолиться, чтоб непогода случилась. В снегопад из луков особо не постреляешь.

И задумался.

Как идти-то? Когда коням снег по грудь — особо не разгонишься. Может, на лыжах? У него в дружине северян много. Эти — умеют. Однако в броне на лыжах — еще то удовольствие. Русы всё же не нурманы. Да еще припас и шатры надо взять — вдруг завьюжит? Нет, лыжи отпадают. Хотя... А если часть дружины на лыжах впереди пойдет, умнёт дорожку? Неплохая идея! Коней надо из печенежских взять. Эти и в снегу увереннее, и травку копытить умеют. Решено!

Воевода кивнул ромею, встал, вышел на крылечко, гаркнул:

— Развай!

Тот появился вмиг. Будто только и ждал, пока кликнут. А может, и ждал. Мозги у парня на месте. Все остальное — тоже. Сам — потомственный варяг из уцелевших полоцких, тех, кто с Устахом ушел. Духарев его переманил. И сразу сделал сотником над «дворовой» гридью. Не пожалел.

Сергей поставил задачу — Развай расцвел. Трех-четырёхдневный переход по снежной степи его не смущал. Битва!

— Поднимешь сотню хузар и сотню Корня. У него кривичских — половина. Пусть лыжи возьмут. И твои — тоже. Будут снег уминать, чтоб лошадей не заморить. Лошадей взять — степных. По три — на воя. Припаса — на пять дней. Шатры — тоже. На-ка! — Сергей сунул Разваю тугой кошелек. — Да поторопи всех! Если погода позволит — выйдем, как только соберемся. Не распогодится, тогда — завтра поутру.

— А кто — старшим? — поинтересовался Развай. Похоже, надеялся, что его поставят.

— Сам пойду, — огорчил варяга воевода.

Дело ответственное. Да и потолковать с ромейским послом очень хотелось. Что там у них творится, в империи? Не повредило бы бизнесу...

* * *

К вечеру погода вновь испортилась, и Духарев отложил выход на утро. Пусть парни поспят в тепле.

Утром опять повалил снег, но тут уж ничего не поделаешь.

Ехать решили по Днепру. На реке снегу было поменьше, чем на тракте. Лошадкам — по брюхо.

Двигались достаточно быстро. Впереди — лыжники. Они же вели на поводу заводных, которые прокладывали дорогу. Передовым приходилось трудновато, зато уже вторая сотня шла как по ровному — тысяча с лишком копыт утаптывали снег очень качественно. Морозец был терпимый. Градусов десять.

Бодренько шли. По прикидкам Духарева — километра четыре в час делали. Ближе к полудню Сергей решил разделить свое войско. Первопроходцам скомандовал: «Обед!», аутсайдерам — «Продолжать движение!».

За день одолели километров тридцать. Неплохой результат. Лагерем встали на берегу. Расседлались, поставили шатры, разожгли костры. Горячее зимой просто необходимо. Степные кони обошлись подснежной прошлогодней травкой. Духарев велел взять с собой по торбе овса на каждого, но пока — побережем.

Переночевали без проблем. Так близко от Киева да еще зимой печенег не шлялись. Собственно, им и у Нити быть не положено. Тем более что с главными родами вроде как у Владимира — договор. Интересно, какой орды копченые? Кому летом бошки рубить?

Утром воинству Духарева несказанно повезло. На встречу вышел санный поезд из Родни.

Старший купец, знакомый, поздоровался с воеводой с почтением. Рассказал, что у Родни видели печенежские разьезды. Вроде бы цапон...

— Не побоялся ехать? — спросил Духарев.

— Не без того, боярин-воевода, — признал купец. — Но торговать-то надо. Да и сторбжа у меня добрая — от малого отряда отобьемся, а большому откуда здесь взяться?

Духарев не стал его огорчать информацией о том, что сравнительно недалеко безобразничают аж три сотни копченых. Сейчас она торговому гостю ни к чему. Дальше к Киеву дорога свободна, а когда возвращаться будет, от тех степняков останутся рожки да ножки. Во всяком случае, Сергей на это надеялся.

А если яс ошибся в счете или к копченым подошла подмога, то можно взять воев из Родни. У Духарева, княжьего воеводы, было такое право.

После санного поезда дорога гридням легла — ска-тертью. Ускорились едва ли не втрое. За день отмахали полпути. Правда, на следующий день опять пришлось утаптывать снежок, но всё же не целину, а порошу сантиметров в тридцать.

На закате увидели Родню, но подошли уже затемно. Ворота успели затворить, и стража поначалу пускать в городок отказалась. Мало ли... Но Духарев рывкнул, назвался, подсветив лицо факелом, и ворота открыли. Встречал сам наместник — из княжьих нурманов. Принял по чести: гридь разместили под крышей, лошадок — тоже. Накормили всех. Ныне не времена Ярополкова сидения. Припасов хватало.

Известие о копченых наместника не испугало. Еще бы! За такими-то стенами...

Зато он тут же предложил усилить отряд воеводы двумя сотнями из собственного гарнизона. Мол, город ополчение и без дружины удержит.

Ну да. Нурман и есть нурман. Ему лишь бы подрасть да трофеи добыть. А зимой — ску-учно!

Духарев от помощи отказался. Пока. Сначала надо на врага глянуть.

* * *

Глянули. Вернувшиеся разведчики-хузары сообщили: копченых действительно три большие сотни. То есть человек четыреста. Судя по всему — цапон. Союзнички, блин. Обложили городок и попутно пасут реку и зимник: кого поймают — грабят и режут. Разведчики сами видели, как перехватили караван из семи саней. Вокруг города все время вертятся не меньше двух сотен печенегов. Наглые. Бьют прямо с седел всех, кто высунется над забором. Ответного огня не боятся. Да его и нет по факту. На глазах у разведчиков сбили со стены такого вот храброго стрелка. И еще одного бойца сбили, когда тот попытался ведерко с водой на частокол опорожнить. Хоть и прикрывали его большими щитами, а не уберегли. Он только высунулся, а в него — сразу три стрелы.

Но защитники на стенах есть: виднеются шлемы и края щитов. А цапон явно готовят штурм. Видели разведчики свежееизготовленные лестницы. И таран, вполне подходящий, чтобы развалить не слишком крепкие ворота. Не подойди Духарев — был бы у них верный шанс.

Итак, какие могут быть варианты? Думай, Сергей Иванович, думай!

Численное превосходство врага не критично, хотя может оказаться значимым при лобовом наезде. Бойцов терять не хочется. Каждый — дорог.

Значит — хитрость. Но — какая?

Для начала надо понять врага. Понять, зачем копченые навалились на городок.

Итак, вариант первый: их цель — ромейское посольство. Ромеи — это деньги. Золото, которое византийцы частенько привозят своим потенциальным недругам, чтобы те приплющили других недругов. Еще — имущество. Подарки, которые непременно везут послы. А также возможность слупить выкуп за ценных пленников.

Но есть нестыковка.

От зимних кочевий цапон до Чити — хрен знает сколько километров. Риск же целевой экспедиции — огромный. Услышат в Киеве — прилетят, перехватят и стопчут.

Значит — случайность?

Духарев в случайности не верил.

Возможно, кто-то слил информацию о посольстве... Зачем?

Возможно, византийский караван засекли еще в низовьях, проследили до городка... Тогда непонятно, почему ждали. В чистом поле ромеев прихватить куда как сподручнее.

А если не ромеи — главная цель, тогда — кто? Стоит ли крохотный городок Чити таких усилий? Есть мероприятия куда выгодней.

Еще вариант: молодой отморозок. Какой-нибудь подханок, решивший стяжать великую славу.

Однако, по словам разведчиков, копченые выглядели бывальыми воинами. Такие в малодоходную авантюру не ввяжутся.

«Пожалуй, надо посоветоваться», — решил Сергей.

Не то чтобы он надеялся, что сотники что-то подскажут (опыта у воеводы — вчетверо больше, чем у них всех разом), но в процессе обсуждения иной раз приходят правильные мысли.

Сотники Развай, Корень и хузарин Бурах появились в воеводином шатре через пару минут. Сергей изложил ситуацию. Поинтересовался, какие мысли?

— Бить их надо! — азартно воскликнул Развай.

Бурах одобрительно кивнул. А вот Корень, степенный спокойный головорез из кривичских, не согласился:

— Побить-то мы их — побьем, если не разбегутся...

— Разбегутся — догоним! — перебил Развай.

Корень неодобрительно поглядел на варяга: мол, неча старших перебивать, потом так же весомо продолжил:

— Догоним, но цену заплатим немалую. Брони у нас — лучше, так что, сойдись мы строй на строй, всех бы положили. А в поле к себе копченые нас не подпустят. Многие лягут. А за что?

Вопрос был — к воеводе. И Сергей ответил:

— Там, в Чити, посольство ромейское к князю.

— Так, может, князю и послать? Городок — его, значит, и оборонять — ему.

— Ты испугался, что ли, Корень? — нехорошо прищурился Развай.

— Ты еще на мамку писал, когда я последний раз

пугался, — отрезал кривич. — А воев своих губить бессмысленно не хочу. Они мне все — как сыновья! Могли б копченые взять Чить — уже бы взяли. Посыл до князя по зимнику накатанному за два дня добежит. День князь собираться будет, через четыре — придет. Седьмицу еще продержатся.

— Так, — сказал Духарев, опережая готового вспыхнуть Развая. — Что думаете, мне понятно. Непонятно — зачем копченые тут объявились? Не верю, что ромеев поджидали.

— Это точно, батька, — поддержал Развай. — Тогда степняки их еще бы раньше взяли, в поле.

— Может, не успели? — предположил Корень.

— Кто, копченые? Ты, сотник, будто до сих пор в своих лесах сидишь. Ромеи в Дикой Степи — как червяк на камне. Клювиком щелк — и нету! А что сюда прискакали, так они ж наглые, копченые. Вон караван ограбили, да не один. И Чить бы они взяли, кабы там ромеев не было. Сколько в Чити воев добрых? Пятеро, шестеро? Да и те — старше тебя, Корень. А остальные — кто? Пахари! Они, с какой стороны у копья железко, не всегда знают.

«А ведь верная мысль», — подумал Духарев.

Но тут вмешался Бурах:

— Я бы, батька, не разговоры говорил, а у самих копченых спросил, — произнес он негромко, с характерным хузарским акцентом, так и не выветрившимся за три года служения Духареву. — Они-то знают.

«Молодец!» — мысленно похвалил Сергей Иванович, который и сам решил уже, что надо брать «языка». Дело, требующее умения, но не такое уж сложное, если враг даже не догадывается о твоём присутствии у себя за спиной.

Кто предложил, тому и честь. За «языком» отправились хузары. Дождались ночи и украли одного из пастухов, что сторожили табун.

«Язык» был качественный. Матерый, злой. Сразу говорить, естественно, отказался. Пришлось варягам с ним часок-другой поработать.

Духарева позвали, когда пленник был готов к диалогу. Обработали его качественно, но не радикально. Глаза, пальцы — все на месте. Пара костей переломана, так и это тоже заживет при надлежащем уходе.

— Я ему жизнь обещал, — сказал Развай. — Еще денег немного и в Киеве к делу пристроить.

Духарев поморщился. Не любил печенегов. Так бы всех и передал, а женщин тем же касогам раздал. Или продал. Женщины у копченых работающие.

— Это я обещал, — напомнил Развай. — А ты-то нет.

— Ты — мой человек, и я за твои слова отвечаю, — с легким раздражением произнес Духарев.

— Иначе — никак. — Развай пожал плечами. — Крепкий. Сдох бы, а говорить ничего не стал.

— У нурманов небось заговорил бы.

— Может, и так. Нурманы — жилы тянуть мастаки, — не стал спорить Развай. — Послать в Родню за нурманом?

Духарев мотнул головой. И присел на корточки напротив обессиленного от пыток печенега.

— Давай, цапон, говори, что знаешь. Скажешь что важное — будет, как сотник сказал. Нет — волкам скормлю.

Цапон сказал. И картина сразу стала ясна до прозрачности. Идея у копченых была лихая, но перспективная. Захватить Чить, но действие это не афишировать. Прикинуться честными читянами и грабить про-

езжающих мимо торговых гостей. Не всех, конечно, чтоб не заподозрили нехорошего. Выборочно. При этом сами копченые славно устроились бы в захваченном городе, сладко спали, вкусно кушали, пользовали трофейных женщин и горя не знали. Всё что требовалось: время от времени, желательно под снегопад, чтоб следов не осталось, выезжать из Чити и демонстрировать наличие печенегов где-нибудь километрах в тридцати от базы. Это чтоб было на кого списать пропавшие караваны.

Отличная идея! Духарев сразу понял, что ее автор — не копченый. Слишком уж нетрадиционно для печенегу загонять себя в ловушку (а именно так большинство степняков воспринимали городские стены) и сидеть там чуть ли не всю зиму.

Поскольку задействованы были именно цапон, Духарев с большой долей вероятности предположил, что задумка была беглого Ярополкова воеводы Варяжки.

Нет, этого человека определенно надо возвращать под крыло киевского князя! Такими воеводами не разбрасываются.

План печенегов провалился из-за ромеев. К Чити и византийцы, и копченые успели почти одновременно. Но разведка печенегов ромеев загодя не обнаружила (у нее были другие задачи), а наемники ромеев копченых как раз углядели. И немедленно решили, что степняки пожаловали по их души.

Побросав все, что не представляло особой ценности, то есть пяток повозок и всех полузамороженных волов, византийцы устремились к спасительным стенам. Опередив копченых буквально на полчаса, они успели проскочить в городок. Причем ворота закрывали уже под градом печенежских стрел.

С того момента у нападения и обороны сложился паритет. Но копченые сложа руки не сидели. Во-первых, грабили. Во-вторых, нарубили древесины в ближайшей роще и приготовили дюжин пять небольших (часть кол-то невысок) лестниц да сработали таран. Причем даже не своими руками, а невольничьим трудом захваченных в плен купецких людей, так что изделия вышли добротными. То есть вариант, предложенный Корнем, сразу отпадал. Не сегодня завтра копченые пойдут на штурм, и, что из этого выйдет, одному Богу известно.

Зато у Духарева появилась перспективная идея...

ГЛАВА 3

Печенежские пляски

— Толково! — отметил Развай, наблюдая за действиями печенегов.

Копченые шли на штурм под качественным прикрытием стрелков. Стоило кому-нибудь высунуться — и стрела шла прямо в цель. Так что и таран к воротам подтащили, и лестницы приставили. Длина последних тоже была подобрана грамотно: на пару пядей ниже края стены. Чтоб оттолкнуть, надо выглянуть. А это чревато. Лезли печенеги сразу со всех сторон. Сотни две навскидку. И еще столько же крутили карусель вокруг стен.

— Как думаешь, воевода, возьмут городок?

Охранная гридь, вместе с лошадьми, залегла в сугробах за пригорком. И только Духарев и Развай вползли наверх — наблюдать. Хотя особой осторожности сейчас не требовалось: копченых полностью увлек процесс.

В этом и состояла идея Духарева. Обождать, пока печенеги начнут штурм, а когда те увязнут — ударить с тыла.

Сложности были: например, полная открытость городка. Чить стояла на взгорке метрах в ста от замерзшей реки. Лед напротив городка изрядно торосил-

ся. Это потому что — пороги. Хорошо стоял городок. Нужное место прикрывал, и подступить к нему скрытно было непросто. Ближайшая роша, та, где рубились лестницы и таран, отстояла почти на километр. Там сейчас лежали неприбранные трупы зарезанных печенегами пленных.

Духарев не стал их хоронить. Вдруг копченые вернуться?

По той же причине базу организовали еще дальше, за грядой старых курганов. Там и травка под снегом оставалась — лошадям подкормиться. Однако с утра, когда стало ясно, что штурм сегодня, коней побаловали овсом. Даже степные лошадки после него куда бодрей скачут.

На позиции выходили по возможности скрытно: старательно используя рельеф местности. Тоже разделились. Духарев со своими «охранными» заходил сбоку, с востока, хузары — от роши, а сотня Корня, сделав широкий круг, со стороны Днепра, прячась за торосами. Задачи у всех тоже были разные. Корню — ждать, пока печенеги вышибут ворота.

За этим дело не станет. Ворота — так себе. И само собой — никаких привратных башен, следовательно, для защиты надо высунуться наружу. Отдельные храбрецы и высывались. Сбрасывали всякие тяжелые предметы, лили кипяток... Но почти неприцельно. Встал, метнул — и обратно. Пока стрела не прилетела. Урона от такой обороны было — чуть.

Выбив ворота, печенеги ломанутся внутрь, сгрудятся толпой... Тут-то латная Корнева конница в эту толпу и ударит.

Бойцам Развая предназначалось заняться теми, кто вокруг стен. Пройти через печенежский лагерь, зачи-

стить и галопом — к стенам. А там рубить всех в капусту.

А хузары будут работать дистанционно. Лупить тех, кто подставится. Заодно проследят, чтоб никто не сбежал.

Хороший план. Сергей любил, когда вот так — стремительно и внезапно. Как Святослав.

Первые степняки добрались до зубцов частокола и полезли внутрь.

Тут у них и начались сложности. Ромеи в пешем строю очень даже неплохи. Встретили их в щиты, первую партию, надо полагать, порубили в мясо.

Но печенег лезли и лезли, а снизу их очень качественно прикрывали стрелки, так что минут через пять в одном месте копченым удалось закрепиться. Защитников всё же было маловато.

Наконец у ворот раздался победный вопль. Вышли створку.

Сразу целая толпа копченых ринулась в прореху. Как Духарев и предполагал.

Но праздник жизни у них был недолог: со стороны реки уже неслась, вспахивая снег, Корнева сотня.

— Пора и нам, — сказал Духарев, поднимаясь.

— Грiddy, на конь! — зычно скомандовал Развай.

И дружина воспряла из снега.

Когда Духареву подвели коня, низенького, но крепкого, густо заросшего шерстью, первые десятки его воев уже неслись во всю прыть... Вернее, во всю прыть вспахивали целину. Лошадки утопали в снегу по грудь, но упорно рвались вперед... И вырвались.

Степняки заметили русов, и вопли копченых резко поменяли эмоциональный фон. С победного на панический.

Одни сразу попытались дать деру, другие (их было большинство) решились принять бой.

Но решить легко, победить труднее.

У ворот сотня Корня перемалывала угодивших в западню копченых. Бронная кавалерия против легкой конницы. Обшитые бляшками или попросту пропитанные солью тягиляи¹, меховые высокие шапки с металлическими полосками... Разве это защита от добрых русских мечей? А вот печенежские копья да сабельки лишь царапали бронь русов.

Духареву драки почти не досталось. К месту боевых действий он подскакал последним — подвел изрядный вес. Попытался достать удиравшего копченого, но тоже не преуспел. Обогнала стрела одного из трех сопровождавших воеводу (небось Развай распорядился) «гвардейцев». Нет, с рукопашкой пора завязывать. Дать дорогу молодым, как говорится.

В общем, подъехал на поле боя Сергей Иванович к шапочному разбору. Оглядел его — и возгордился. Вот что значит — сорок лет боевого опыта. Везде на утоптанном розовом снегу — тушки копченых. А своих вроде и нет никого.

К сожалению, потери были. Как же без них — в сече? Одиннадцать дружинников полегло. Все — молодые. Все — не опоясанные. Отроки.

Восемь — из сотни Корня, двое — из «личной» гриди Духарева. Да один хузарин, увлекшийся погоней и получивший стрелу в спину.

Печенегов же полегло: триста двадцать семь. И еще около сотни все же сумели удрать. Казалось бы — отличная пропорция, учитывая полуторакратное числен-

¹ Надеюсь, читатель простит мне небольшой анахронизм.

ное превосходство врага, но всё равно жаль мальчишек! О каждом сердце болит... А что делать? Без настоящего боя воином не станешь. Убили — значит, слаб. Не годен. Или удачи не хватило.

Так мыслили в этом времени. Духарев чувствовал неправильность подобных рассуждений, но предложить что-то взамен не мог. Одно утешение: сыновья его с юных лет — лучшие. За то низкий поклон дедушке Рёреху. Тем более что без старого варяга у Сергея Ивановича Духарева и сыновей не было бы. От покойников сыновья не рождаются.

Посол, а если по-византийски — апокрисиарий богопочитаемого императора Василия оказался человеком приятной наружности и дружелюбного нрава. Сразу рассыпался в благодарностях за спасение и даже предложил награду, от которой Сергей отказался. Лично ему денег хватает, а дружина свое взяла на убитых печенеггах, вернее, не столько на них, сколько на том, что они успели нахапать.

Узнав, что Духарев — не просто военачальник киевского архонта, а еще и целый спафарий, посол вообще проникся к нему братскими чувствами и полдороги до Киева непрерывно жаловался на то, как тяжело им пришлось по пути сюда.

Сначала — по беспокойному морю (но это были семечки), потом вверх по Днепру-Данапрису (и это тоже было терпимо, хотя без мелких стычек не обошлось), а вот когда резко похолодало, тогда начались настоящие испытания. Сначала ромеи пытались переправиться на лодках, но упустили время, и по реке поплыли огромные льдины. Несколько лодок раздавило, часть людей погибла. Пришлось ждать, пока Днепр окончательно встанет. Тогда и переправились.

Посла очень впечатлили огромные ледяные горы, в три человеческих роста высотой, возникшие там, где были пороги, но в целом к замерзшему Днепру ромеи отнеслись положительно. Ходить по воде, как по тверди, — это забавно.

Забавы кончились, когда разыгралась метель. К такой погоде посольство было абсолютно не подготовлено. Спали на повозках и на щитах, укрываясь чем попало, и точно померзли бы, если б не наткнулись на селение, жители которого кормились на волоке. Богатым гостям здесь были рады и приняли со радушием. Любой каприз — за ваши деньги. Там ромеи и переждали непогоду. Заодно договорились о проводниках.

Следующий пакет проблем возник, когда пришло время двигаться дальше. Снегу на тракте навалило столько, что, по словам посла, лошади утопали в нем по шею. Волы дошли один за другим. Павших животных съедали. Имущество перераспределяли по другим повозкам или попросту выкидывали.

Караван еле двигался.

Проводники старательно искали дорогу — сбиться с пути в этом белом море было легче легкого.

Вымотались все до крайности.

Часть проводников подалась назад, плюнув на шикарное вознаграждение.

Однако экспедиция упорно ползла вперед, хоть, по утверждению византийца, в день проходили не больше шестидесяти стадий¹. Останавливались, когда прекращался снегопад, потому что под снегом развести костры у ромеев не получалось. Вымотались до предела, некоторые умерли от переохлаждения... Словом,

¹ Чуть больше десяти километров.

кошмар. Даже для северного человека такой переход нелегок, а уж для южного... Многие из византийцев и снега-то никогда не видели.

Местные проводники, те, что остались, тоже еле ноги передвигали. Воины-ясы, нанятые для охраны, измотались до крайности. На них ведь еще лежала задача сторожевых дозоров: Дикая Степь всё же.

Так бы они и замерзли бесславно, если бы не добрались до очередного селения.

Отогревались и отдыхали три дня. Больше задерживаться посол не рискнул. Компетентные люди объяснили: зима только началась. Основные холода и снегопады — впереди. Легче не будет.

И ромеи мужественно двинулись дальше.

Духарев не мог не восхититься такой отвагой и упорством. Видно, цель у посольства тоже была серьезная, раз пошли на такие жертвы.

Дав апокрисиарию выговориться, он начал осторожные расспросы. Сначала — о политической ситуации в империи. Типа, как дела в центре цивилизации?

Дела обстояли сложно. Начал посол с дел семилетней давности, о которых Духарев и сам знал, но перебивать собеседника не стал — вдруг всплывет что-то новое.

Начал бучу родственник прежнего императора Иоанна Цимисхия Варда Склир, который при Иоанне занимал должность доместика схол Востока, то есть был главнокомандующим всеми восточными армиями империи.

Доверием нового императора Василия Второго Склир не пользовался. Потому был отправлен командовать в далеко не самую привлекательную фему — Месопотамию. Это примерно как если бы генерала армии назначили на генерал-майорскую должность.

Склир обиделся и объявил императором себя, любимого. А почему нет? Мало, что ли, византийских императоров взошли на престол с должности домашнего схол?

Авторитет у Склира среди армейцев был немалый: первый богач в империи, знаменитый полководец, с прекрасными связями во всех слоях византийского общества. А вот у Василия на тот момент авторитет никакой. Предоставивший другим, более толковым, например паракимомену Василию Лакапину, управлять империей, распущенный и изнеженный гуляка. Собственно, так оно и было на тот момент. Но когда престол под василевсом Василием Вторым зашатался, тот срочно взялся за ум. И нашел выход.

Вместе с паракимоменом они отыскивали полководца, не менее авторитетного, чем Склир, и не худшего происхождения — тоже родственника императора, только другого — Никифора Фоки.

Звали кандидата Варда Фока, и в тот момент он находился в изгнании на острове Хиос, куда его отправил император предыдущий, Иоанн Цимисхий. Опять-таки за мятеж.

Что характерно, войско, которое накидало дюлей Варде, возглавлял именно Склир.

Само собой, Василий Второй не торопился возвращать из ссылки такого опасного человека... пока нужда не заставила.

Но — заставила. Вернули. Обласкали. Пожаловали титулом магистра¹. И возвели в должность домашнего схол.

А буде возжелает родич Никифора, разбивши Скли-

¹ Высший военный титул в Византии.

ра, сам поднять мятеж, взяли с Варды страшную клятву пред алтарем: быть верным Василию Второму.

Засим дали Варде Фоке кое-какое войско и полную свободу действий.

По словам людей знающих, племянник Никифора Фоки был человеком крутейшим. И в воинском деле, и в боевых схватках дядю-императора превосходил однозначно. Одним боевым кличем целую фалангу приводил в замешательство.

Трудно сказать, как там насчет фаланги — боевым кличем, но Склира он гонял в хвост и в гриву. Хоть войско его было числом поменее, однако распорядился он им очень толково. Разбил на отряды и принялся терзать армию Склира, где только мог. Маневр, внезапность, разнообразные воинские хитрости...

Словом, Склиру пришлось туго. Наконец, решив, что достаточно потрепал противника и уронил его боевой дух, Варда Фока решил на генеральное сражение¹.

Перед началом битвы полководцы решили устроить личный поединок.

Оба были крутые рубаки, оба — уверены в победе.

Верх взял Варда². Склир и его армия бежали. Аж в Ассирию, к царю Хосрою³.

¹ Случилось это в 979 году от Р. Х.

² Яхья Антиохийский и Диакон дают несколько другую картину событий, а Скилица пишет, что именно Склир, чувствуя, что проигрывает битву, бросился на Варду и неслабо ему накидал. Лично я склонен Яхье верить больше, чем хронисту Пселлу, поелику Яхья был куда ближе к центру событий, но официальная версия именно такова, так что ее и подобает излагать представителю императора. Хотя какая разница? Факт налицо: Склир разбит и сбежал.

³ Он же — султан Багдада Адуд-ал-Даула.

Полная и окончательная победа. Победитель вернулся в столицу, был награжден, обласкан и приближен к государю.

Но время шло, Автократор византийский крутел (пьянки-гулянки — как отрезало) и в какой-то момент решил, что слава Варды конкурирует с его собственной. И начал Василий Второй своего спасителя понемногу задвигать. Причем так задвинул, что Варда взял и обиделся. Решил, что при таком неуважительном отношении и данная им клятва более недействительна.

Дальше — традиционно. Пурпурные сапоги¹ — на ноги. И срочный сбор войска для восстановления справедливости и воцарения нового самодержца. Его, Варды Фоки.

Надо отметить, что и Василий Второй уже не был таким мягкотелым, как во времена восстания Склира. И вертикаль власти укрепил. Как-никак — восемь лет прошло². Но Варда — реально велик. Как полководец — вообще лучший.

То есть дела у законного монарха опять невеликие.

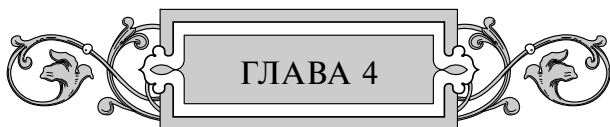
¹ Напомню, что красная обувь — неперемный атрибут императорской власти в Византии. Эксклюзивный.

² Восстание Варды Фоки произошло, согласно византийским источникам, в 987 году. Так что есть неувязка с датировкой. У меня на дворе 985-й. Причина проста. Согласно ПВЛ, Крещение Руси произошло в 988 году. Если исходить из византийских хроник, то в 988 году даже Владимир еще не был крещен. Безусловно, я куда больше верю грекам, чем нашим переписчикам. Тем более что греческая хронология подтверждается астрономическими данными (прохождение кометы), но ради сохранения общепринятой даты Крещения Руси иду на исторический подлог. Прошу прощения!

А тут еще на подмогу бывшему своему победителю подоспел из чужих краев Склир с остатками своей армии.

В общем, Автократору ромеев срочно понадобились сильные союзники. Киевский князь — самая подходящая кандидатура. За ценой, как говорится, не постоим — корона Византии на кону.

ГЛАВА 4

Великий князь Владимир и тонкости византийской политики

Посла византийского василевса великий князь Владимир принимал с почетом. Парадные одежды, важные бояре, лучшая гридь — молодцы один к одному. Это в палатах. Во дворе — выставка военной мощи: не менее тысячи дружинников. Все — в броне, на конях, суровые, грозные...

У посла, который, увидев хилые, по византийским меркам, киевские стены, хмыкнул скептически, а уж на княжий кремль-терем и вовсе губу скривил, враз выражение поменялось. Вот так, дорогой гость! Мы — люди скромные. И стены нам не особо нужны. Кого бояться-то?

— Большое уважение выказал тебе Владимир, — шепнул Духарев византийцу, когда они въехали во двор. — Всю малую дружину в честь тебя построил.

В другое время не стоило бы устраивать демонстрацию силы перед коварным и сильным противником, но сейчас — в самую масть. Молодец, князюшка! Правильно отреагировал на сообщение Сергея. Есть у нас нужный товар. Отборный. А как у вас с мощной? Хватит?

— Мой великий господин, Автократор Богопомозанный Багрянородный император-победитель Василий Второй, повелел мне, мандатору¹ Мелентию, передать тебе, хакану русов и великому князю киевскому, свой привет и желание здравствовать!

— Встань, — велел Владимир. — Продолжай.

Византиец поднялся с пола, отряхнул налипшую на одежду солому.

«Надо же, — подумал Духарев. — Расстелился, будто перед императором. Видать, крепко прижало ромеев».

— Август и Автократор повелел мне передать тебе скромные дары. Жаль, что не всё я сумел довести, многое осталось в снегах твоей суровой земли. Прости мне сие, хакан и великий князь!

Владимир кивнул благосклонно. Прощаю. Давай тащи, что осталось.

Даров было и впрямь немного. Но — хороши. Оружие, дорогая конская сбруя, одежды шелковые, мужские и женские, сосуды серебряные и стеклянные...

Князю понравилось. Поблагодарил вежливо. Но начать разговор о делах послу не дал. Пригласил к столу.

Кушали культурно. Молодежи не было. Бояре, старшая гридь, отдельно — женщины. «Официальные» жены Владимира: Рогнеда, Айша, дочь болгарского эмира, Малфрида, княжна богемская. Наталии, доставшейся князю «в наследство» от брата Ярополка, не было. Рогнеда — старшая, водимая.

Ниже сидели жены боярские, в том числе и Сергеева Сладислава.

Возглашали тосты. За здравие. За военные успехи. Обычный набор.

¹ Ранг чиновника пониже спафария.

Посол, усаженный с почетом — сразу после Духарева, который, в свою очередь, сидел рядом с Добрыней, чувствовал себя беспокойно. Кормили-поили его с золота. Намек? Или у великого князя этого металла — пруд пруди? Посол склонялся к последнему: с золота кушали многие за княжьим столом.

Духарев глядел и радовался. Вот тебе, дипломат византийский! Ломай головушку: как купить того, у кого всё есть? Нет, купить-то можно, но — ценник?

В этот день никаких переговоров не было.

А на следующий великий князь пригласил Духарева к себе.

Кроме Владимира в его любимом месте для тайных переговоров — небольшой горнице на самом верху терема, присутствовали еще двое. Дядька и пестун князя воевода Добрыня. И личный телохранитель Владимира Габдулла Шемаханский. Со времен болгарского похода — холоп и цепной пес великого князя. А также его спарринг-партнер по фехтованию. Оружием Габдулла владел виртуозно. Бился и пеше, и конно, из лука за двести шагов стрелу в тыкву вгонял. Обоерукий, как многие варяги, в том числе и сам Владимир, шемаханец был настолько опасным противником, что почти играючи сумел победить духаревского сына Богуслава.

Габдулла достался Владимиру по праву клинка. Сам Габдулла, его доспехи, конь... Всё, что было на войне из Шемахи во время поединка, в котором и сразил его великий князь.

К чести болгар, они очень старались выкупить своего единовеца. Сам эмир болгарский ходатайствовал.

Владимир не согласился. Причина, по которой он пощадил воина бохмичи¹, его потрясающее сходство с убитым братом Ярополком, не позволила князю так просто расстаться с мастером-поединщиком. Так что отбывал Владимир из Волжской Булгарии не только с богатым выкупом и еще одной женой — дочерью эмира болгарского (впрочем, дочерей у эмира было — как грязи, десятка три — не жалко!), но и с новым гриднем, принесшим ему роту² на верность по всем исламским правилам.

А куда деться? Выбор у Габдуллы был невелик: или на собственном добром коне, в доспехах и при оружии, или — в цепи полоняников, за которых болгары не стали платить выкуп.

Габдулла очень интересовал Духарева. В первую очередь из-за внешности. Откуда взялось подобное сходство? Шутка Создателя?

Он даже пытался поговорить с шемаханцем, но тот не выразил желаний. Трудно сказать почему, но Габдулла относился к варягам с подчеркнутой враждебностью, причины которой никто не знал. Исключение делалось только для великого князя. С ним шемаханец был подчеркнута вежлив и повиновался безукоризненно.

Княжий отрок быстро и ловко наполнил чары: Владимиру — пиво, Добрыне — мёду, Духареву — вина. Налил — и испарился.

— Что скажешь, воевода? — нетерпеливо произнес великий князь.

— Скажу: момент удачный, — ответил Сергей Иванович. — Василию очень нужна твоя помощь.

¹ Так в то время на Руси называли мусульман.

² Рота — присяга.

— Мои воины, — уточнил Владимир.

— Именно так. Дела у него — кислые. Два старых ворога, которых он стравил восемь лет назад, ныне сговорились и пошли на него. Причем для того, чтобы создать василевсу трудности, хватило бы одного — Варды Фоки. Не буду докучать тебе подробностями, пока это ни к чему, но, думаю, уже пол-Византии присягнуло новому императору.

— Он может взять Константинополь? — спросил Добрыня. — Слыхал я — стены у него — выше самых высоких деревьев...

— Верно, стены могучие. Но крепость стен — в крепости тех, кто внутри. Варда и брать их не будет. Обложит город со всех сторон, лишит народ продовольствия, заставит поголодать — городские ворота сами откроются. А может, и до голода дело не дойдет. У Варды Фоки в Константинополе много родичей и друзей, человек он знатный и славный. И его союзник, Варда Склир, тоже в империи не последний человек.

— Они что же, родичи? — спросил Владимир.

— Примерно как волк и волкодав, — ответил Сергей. — То, что оба Варды, — не значит ничего. Склир — родич прежнего императора, Цимисхия. Со Склиром мы схватились во Фракии, когда твой отец брал там виру с ромеев. Отличный военачальник, надо признать. А Варда Фока — племянник другого императора, Никифора Фоки. Помог твоему отцу в свое время.

— Это как же? — удивился князь.

— Очень вовремя поднял восстание против Цимисхия. Кабы не он, Цимисхий, может, и не согласился на такой хороший для нас договор. А восстание

Варды Фоки Склир как раз и подавил. А потом, при Василии, уже Склир поднял восстание, и тогда его побил Варда Фока. А теперь они — вместе. Варда Фока назвал себя императором, а Склир у него в союзниках. Без помощи Василию с ними не совладать.

— Ну и ладно, — пробасил Добрыня. — Пускай себе ромеи режут друг друга. Нам-то что? Пусть ослабнут, а мы на них и набежим!

— Империя большая, — заметил Духарев. — Врагов у нее много. Но вот беда — от нас далеко. Другие народы куда ближе. Они первыми свой кусок и откусят. Нам не слабые ромеи нужны, а такие, чтоб у нас с ними правильная торговля шла.

— Тебе бы всё торговать, — проворчал Добрыня укоризненно.

— Не я один с ними торгую, — возразил Духарев. — Да и что толку грабить, если потом всё добытое ромеям же спустим? Но не о том речь. Если Варда Фока сядет в Константинополе, нам с того пользы никакой. Полководец он сильный, воинственный. Где другой откупится, этот ударит.

— А Василий? — спросил князь.

— О нем мало знаю. Но больших побед за ним не числится. Мятеж Склира не он подавил, а Варда Фока. Решил с булгарами дунайскими повоевать — был бит. Удирал оттуда, хвост поджавши. Так что, думаю, нам прямая выгода помочь Василию. Заплатит он хорошо. И обязан нам будет.

— А я на дочери его женюсь, — заявил Владимир, уже привыкший к тому, что все мирные договоры с ним закрепляются узами брака. — Есть у него дочь красивая, воевода?

Духарев пожал плечами:

— Дочери императорской крови в Большом императорском дворце найдутся, а вот о красоте их мне не ведомо.

— А если Василя побьют? — спросил Добрыня. — И воев наших — вместе с ним?

Тут уж пожал плечами Владимир. Кого боги любят — тому и победа. Зачем гадать? Но спросил напрямик:

— Ты против, дядя?

— Не то что против... — задумчиво молвил Добрыня. — Но я б еще подумал.

— Торопиться некуда, — сказал Духарев. — Этот Мелентий нашей зимой так напуган, что будет сидеть в Киеве до весны.

— Но он мог бы не сам идти, а послать кого, — справедливо заметил Добрыня.

— Мог бы, — согласился Владимир. — Нам-то что? Согласимся мы дать воев — всё равно, пока Днепр не вскрыется, не пойдем. Не согласимся — так и вовсе торопиться некуда.

— Разумно, — кивнул Добрыня. И, погладив бороду, стрельнул насмешливым взглядом в сторону Духарева: — Хороший мёд должен выстояться. Тогда и цена на него другая будет.

На том и порешили.

Следующим утром князь Владимир с дружиной отправились на полюдьё.

А днем в дом Духарева заявили посол Мелентий и ромейский старшина Кирилл Спат.

— Мы слышали, хакан Владимир покинул Киев? — после обмена традиционными приветствиями спросил Кирилл.

— Да, уехал на полюдье, — подтвердил Духарев. И пояснил: — Это сбор дани.

— Сам, лично? — удивился Мелентий.

— Такая традиция. И дед его ездил, и отец. Забрать дань, что свезли на погосты, рассудить давние споры... Еще пиры, ловитвы. Это совсем не так скучно, как кажется. И дружину содержать легче. Пока она в Киеве, то кормится из княжьих запасов, а когда в другом городе гостит — из городских. Хотя сейчас это уже не так важно, как при его деде, Игоре. Теперь у князя дружина большая и по всей большой земле рассредоточена. Границы держит, в городах за порядком следит, а бывает, и пощиплет кого, — тут Духарев лукаво улыбнулся. — Воинам, особенно молодым, без дела скучно.

— И долго это... полюдье длится? — мрачно спросил посол.

— Когда как. Бывает — месяц. А бывает, и до самой весны.

— Плохо. — Мелентий какое-то время помолчал, потом спросил осторожно: — Светлейший муж, как думаешь: то, что хакан меня не принял, это — дурной знак?

Сергей засмеялся как можно естественнее. Хлопнул панибратски, как старший — младшего, посла по плечу:

— Не обижайся, Мелентий, Владимир и думать забыл о тебе и твоём посольстве. Мало ли к нему послов приезжает... Подарки ему понравились, так что он непременно примет тебя еще раз. А нет, так я походатайствую.

— Сердечно благодарю тебя, светлейший муж! Верь мне: Автократору непременно сообщат о твоём участии!

Духарев махнул рукой:

— Не стоит благодарности! Я помогаю империи. Разве это не мой долг — быть ее мечом?¹ Скажи мне, Мелентий, а не хочешь ли ты сам съездить на ловитвы? Мой старший сын, князь уличский, давно меня звал. Составишь компанию?

Тонкое лицо посла выразило глубокое сомнение. Не хотелось ему никуда ехать. С другой стороны, он не мог обидеть хозяина отказом.

Сергей снова засмеялся.

— Вижу: боишься ты нашей зимы. Не бойся. У меня есть хорошее средство от мороза. Погоди!

Он на пару минут покинул гостей и вернулся уже с большущим свертком в руках.

— Встань, Мелентий! — велел он и освободил содержимое свертка — роскошную лисью шубу. И тут же накинул послу на плечи.

— Чуть велика, — заметил он, оглядев результат, — но больше не меньше. Носи, мандатор, дарю!

Посол порозовел.

— Это очень дорогой подарок, светлейший муж, — пробормотал он. — У нас, в империи, — целое состояние...

— Здесь — тоже, — усмехнулся Духарев, который, естественно, знал, сколько стоят меха в Византии, если продавать их на свободном рынке, а не по фиксированным ценам на подворье близ монастыря Святого Мамы близ Константинополя, отведенного русам по договору. — Считаю это дружеским подарком.

Мелентий поклонился и произнес торжественно:

¹ Спафарий переводится как «меченосец».

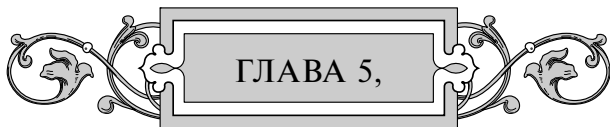
— Ты мог бы считать меня своим верным другом, светлейший муж, только за то, что спас нам жизнь. Такая великая щедрость излишня! — и попытался снять подарок. Но Духарев не позволил.

— Нет уж! — заявил он. — У нас дареного не возвращают.

— Зато у вас принято отдариваться, — сказал Мелентий. — А мне — нечем.

— Поедешь со мной на ловитвы! — заявил Духарев. — Это и будет твоей отдаркой. Уверяю: в такой шубе ты ни за что не замерзнешь, а с моими воинами к нам ни один разбойник не сунется. Ни степной, ни лесной.

Тут он малость ошибся, но выяснилось это только через пару недель.

ГЛАВА 5,

*в которой мирное путешествие
заканчивается кровавой сечей*

Выехали через два дня. Сладислава тоже захотела повидать сына, и ей надо было закончить домашние дела, отдать нужные распоряжения... За старшего в доме оставался Рёрах, но он так, для общего пригляду. Слада больше доверяла ключнице Марфе, немолодой уже вдове-христианке с Подола, у которой несколько лет назад сварожичи сожгли дом. Хорошо, ее и детей не тронули. Слада Марфу сначала просто приютила, взявши в рядные холопки, а потом, увидев, что баба толковая, стала приучать к руководству дворней.

«Ей бы к старательности еще и властности немного», — жаловалась Сладислава мужу.

В общем, роль главы рода — Рёреху. Дворню — Марфе, а торговые дела — приказчику Кузьме, тому, что владел и ромейским, и латинским письмом, да и сам был не дурак, в торговле ловок. Оставили на всякий случай десяток дружинных и отбыли.

Выехали комфортно: с восемью санями, везшими зимние шатры на всех, припасы, подарки и Сладиславу. Было в санях и лишнее место: ежели занедужит кто или просто устанет. До Улича путь не то чтобы далек, но и не близок.

Погода стояла солнечная, умеренно морозная. Зимник вдоль Днепра был накатан, сани скользили легко, дружина шла тоже свободно, не сторожась.

Посланник ромейский взбодрился. Хоть и был укутан в шубу до глаз, но глаза были — веселые.

На ночь ставили шатры, варили кулеш со свежа-тиной, добытой духаревскими гриднями. А то и рыбой баловались: вои пробивали полыньи и ставили на ночь сети, которые поутру редко были пустыми. Чтобы прокормить почти сто человек: гридь да челядь — еды требуется немало. Да еще лошадам корм нужен.

Сено брали у поселян: где за деньги, а где и так, если Духарев не успевал уследить. Гридь смотрела на смердов как на овец. Кто ж овцам за шерсть платит?

Сложнее стало, когда пришлось свернуть с большой дороги на малую, что вела в уличские земли. Теперь всадники шли уже не вольно, а попарно, а сани кое-где приходилось гуртом перетаскивать через могучие коренья. Лес здесь был частый и густой. Не такие великаны, как на севере, но деревья тоже немаленькие. Встречались и дубы. Иные — с мелкими приношениями. Дуб — дерево священное.

Хорошо хоть погода радовала. Ни снегопада, ни метели, ни вьюги. Посыплет иногда мелким пухом с неба, и всё.

Но однажды ночью Духареву приснился дурной сон. Лесная заснеженная поляна, полная луна, огромная, яркая, а на испятнанном черным снегу — побитые гридни. Его гридни. Почему-то без брони и оде-тые не по-зимнему...

Тут Сергей и проснулся. Сел, осторожно выпро-ставшись из-под медвежьего одеяла, огляделся.

В шатре все спали: Слада, челядинка-служанка, ромей под дареной шубой...

Снаружи всё тихо было. Но воевода всё-таки выглянул... Нет, действительно тихо. Караульный у шатра, караульные по границам лагеря. Бдят. Глянул и на луну. Луна была похожа на ту, что во сне. Только не целая, а со шербиной на боку. Сергей попытался припомнить: в убыли она сейчас или в прибыли. Не вспомнил. Кажется, прибывает...

Воевода вернулся в шатер, осторожно, чтоб не разбудить жену, залез в тепло, под шкуру.

Ведовской дар теперь редко посещал Духарева, так что сон вряд ли был вещим. Или — был?

Утром, после того как тронулись, Сергей спросил у Развая:

— Скажи мне, сотник, луна нынче убывает или прибывает?

— Прибывает, — не раздумывая, ответил варяг. — Завтрашней ночью в полную силу войдет.

— Ага... — Духарев подумал немного и распорядился: — Дозоры усилить. Брони вздеть, но шубы поверх накинуть. Чтоб железом не светили. Пошлешь двоих с заводными к уличскому князю, пусть известят: «Отец в гости едет. Встречай». Надежных пошли. Таких, чтоб опасность нюхом чуяли!

— А ты, воевода, что? Чуешь? — насторожился Развай.

— Наверняка не знаю, но... лучше поберечься.

— Ой, не думаю я, батька, что на нас кто рискнет наехать! — беспечно заявил Развай. — Это ж какие наглые разбойники должны быть, чтоб на малую сотню гриди налететь?

— А ты не думай, — холодно произнес Духарев. — Ты делай.

— Сделаем, батька! — пообещал сотник и умчался отдавать распоряжения. Непохоже, что он принял опасения воеводы всерьез, но это — наплевать. Сделает всё как следует.

И сделал.

Даже на «обеденной» остановке, без всякого напоминания Духарева, Развай организовал дополнительную охрану. И дозор вперед отправил...

Ничего не случилось. Даже чужого взгляда Сергей за весь день не ощутил ни разу.

Хотя не факт, что не было. Когда вокруг столько народу, сосредоточиться трудно. А самому в дозор уехать как-то неавторитетно. Да и дружинников обижать недоверием не хотелось.

Вечером, когда встали лагерем (поляну выбрали побольше), Духарев распорядился ставить сани полукольцом, а лошадей привязать поблизости. А когда ложились спать, велел всем спать в бронях. Дружина не роптала. Есть опасность, нет опасности — воевода сказал, они сделали.

Луны на небе не было. Еще не взошла.

— Дозоры удвоить, — велел Духарев. — Костры потушить. Бдить. Луна когда взойдет?

— К третьей страже, — не раздумывая, ответил сотник.

— Третью стражу примешь сам. И меня разбудишь.

— Понял, батька.

Серьезность воеводы сделала свое дело: Развай проникся.

— Что, светлейший Сергей, нам кто-то угрожает? — поинтересовался Мелентий.

— Может — да, а может, и нет, — неопределенно ответил Духарев. — Непокойно мне что-то. Лучше побережся.

Уснул — как в черную дыру упал. Сразу и без сновидений. Проснулся от легкого прикосновения.

— Время, батька...

Снаружи было тихо, только лошади перетаптывались, да какая-то ночная птица протяжно ухала.

Луна только-только показалась над верхушками деревьев. Большая, дымчатая...

Духарев втянул носом воздух, прислушался... Ничего.

Может, зря всполошился?

— Лошадки волнуются, — вдруг сказал Развай. — Чуют кого-то. Может, волки?

— Может, и волки, — пробормотал Духарев. — Сотник! Поднимай гридь. Только пусть до времени в шатрах сидят, не показываются.

Теперь он был уверен: враг недалеко. Вопрос: что за враг? И сколько их?

Размышляя, Духарев накинул тетиву. Открыл крышку колчана...

Не было печали, так с ведьмой повенчали. Еще бы дня два — и были бы в Уличе. Плеса эти... Теснота, видимость — пятьдесят метров. То ли дело — степь. Хотя в степи сейчас снегу — по пояс. А то и по грудь.

А что это там мелькнуло, беленькое на черном фоне?

Духарев вскинул лук. Звонко шелкнула тетива...

И — короткий вопль. Есть попадание!

Тотчас всё пространство на лесной опушке заполнилось людьми. Запели-заверещали стрелы... Быстрый взгляд вокруг: нет, атака только с одной стороны. На

то и рассчитывал Сергей, выстраивая сани полумесяцем.

Духарев прижался к стенке шатра, чтоб не отсвечивать, и пошел метать по две стрелы сразу. Нападающие бежали так густо, что и целиться не надо. Не вой, а мужичье какое-то... Но как много. Всё валят и валят.

Воевода сорвал с пояса рог. Затрубил: «К бою!»

Из шатров выскочили гридни, выстроились в две линии, прикрываясь щитами. Третья линия — отроки, у которых и бронь поплоше и опыта меньше, — встали за спинами своих, меча стрелы навесом.

Из воеводино шатра выбрался Мелентий. Оруж- ный, со щитом. Без шубы, с которой последние дни просто не расставался. Вероятно, опасался, что по- портят.

— Кто напал? Много?

— Побьем — посчитаем, — пообещал Духарев. — Щитом меня прикрывай, мандатор!

И вновь принялся метать стрелы.

Однако в него больше не целили. Основной бой пришелся на дружинников. Но и среди тех вроде потерь не было. Умелые. Да и стрелы у ворогов сла- бенькие.

Духарев выдернул одну, застрявшую в ткани ша- тра... Точно. Охотничий срез. Страшное оружие против косули или там зайца. Но бронь разве что оцарапает. Даже шатровую ткань не пробил. Но не будем недоо- ценивать противника. Вон их сколько. Уже сейчас по самым скромным прикидкам — не менее полутысячи. А из леса новые прут. Это, считай, родов десять под- нялось, не менее. Лесовики. На лыжах бегут, ходко. Остановятся, стрельнут и дальше бегут. Вооружение, похоже, примитивное. Рогатины, топоры... Мечей

ни у кого не видно. Первые уже у шеренги гридней. Духарев засмеялся. Добро пожаловать в Ирий, господа язычники! Мелентий удивленно поглядел на него. С чего веселиться, если такая масса валит?

А с того, что на коротких лыжах по снегу настоящего разгона не получится, так что продавить строй — никаких шансов. Сергею очень легко было представить себя на месте пешего гридня. Слева — друг-соратник, справа — друг-соратник. Сзади еще один, с длинным копьём, если пособить понадобится. Только — не понадобится. Дело не сложнее, чем для хозяйки капусту нарубить. Спереди набегает смерд с рогатиной. Рот разявлен, глаза выпучены, бородища — торчком. Закусая! Кабы он на медведя так пошел, враз стал бы сытным обедом. Только смерды на медведя редко ходят. Это благородное развлечение.

Легкий отбой щитом — и рогатина уходит вверх. Затем короткое движение клинком, толчок ногой или щитом — чтоб прямо под ноги не упал, и принимаем следующего.

И так по всей длине строя.

А вороги всё прибывают. На поляне уже черным-черно. Лезут, спотыкаясь о собственных покойников. Сейчас бы точно строй продавили...

Но — поздно. Теперь перед ними барьер — из своих же, убитых и покалеченных, стонущих, вопящих...

Сергей выпустил последнюю стрелу, закрыл колчан, бросил лук в налуч.

Подумал: «Сейчас обходить начнут». И снова взял за рог. Сигнал: «Все в круг!» Надеюсь, Развай сообразит.

Сообразил.

Вторая линия выдвинулась вперед, включившись в рукопашную, а первая рассредоточилась, заняв круговую оборону.

Но нападающие продолжали переть в лоб и перли, пока лобовая атака окончательно не захлебнулась. Перед строем дружинников образовалась баррикада из тел в пятьдесят метров длиной, метра два шириной и почти полтора метра в высоту.

Дружинников из строя вышло семеро. Все — с ранениями рук и ног. Ими тут же занялась Сладислава — под прикрытием щитов.

Духарев старался высмотреть, что происходит среди противников. Какая-то суета... Но обстрел прекратился.

— Не стрелять! — раздался приказ Развая.

Правильная тема. Стрелы надо беречь. Что же всё-таки это за напасть такая? Судя по подготовке — смерды. Зачем им нападать на воинов? Это ж самоубийство. Да и смерд просто так на смерть не пойдет. Он к этому непривычен. Значит, что-то его подвигло? А может, не знали, что имеют дело с воинами? Или никогда не сталкивались? Это же так просто: их меньше сотни, а нас целая тысяча. Зипунами закидаем. Могли бы и закидать. Если по уму. Но если по уму — так не полезли бы.

Пауза затянулась. Надо что-то предпринять. Перехватить инициативу...

— Дай-ка мне свой щит, — попросил Духарев. — Нет, лучше факел мне зажгите и ветку дайте какую-нибудь зеленую. Вон нарубленный лапник, оттуда возьмите.

Так, с еловой веткой в одной руке и факелом в другой Сергей взобрался на одни из саней и призывно замахал огнем.